

УДК 93/94

UDC 93/94

**ВОЛОСТНОЙ СУД КАК ПРОБЛЕМА
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ**

**VOLOST COURT AS A PROBLEM OF PUBLIC
LIFE OF POST-REFORM RUSSIA**

Галкин Александр Георгиевич
к.ю.н., доцент
*Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

Galkin Alexander Georgievich
Cand.Law.Sci., associate professor
*Kuban State Agrarian University,
Krasnodar, Russia*

Статья посвящена анализу широких общественных дискуссий, постоянно возобновлявшихся в имперской России в течение 1860-1900-х гг. в связи с организацией и деятельностью волостных крестьянских судов

The article is devoted to the analysis of wide public discussions, permanently renewable in Imperial Russia during 1860-1990 in the connection with an organization and activity of peasant courts

Ключевые слова: ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО, ВОЛОСТНОЙ СУД, КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Keywords: PRE-REVOLUTIONARY LEGAL PROCEDURE, VOLOST COURT, PEASANT LEGISLATURE

Обращаясь к грандиозным реформам 1860-х гг., важно отметить, что поскольку в ходе освобождения крестьян основная ставка реформаторами делалась на общинное самоуправление, основная масса населения пореформенной России была оставлена в поле обычного права. «Сельский мир» получил возможность иметь особый суд, разбиравший дела только между крестьянами, выбирать собственных сословных судей.

Положение о волостном суде не только гарантировало существование волостного суда как особого сословного учреждения, но и вообще исключало применение норм закона в текущей жизни общины. В рамках реформы 1861 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния прямо ориентировал на то, чтобы максимально избегать стеснения только что начинающейся деятельности волостных судов и должностных лиц даже теми указаниями (довольно подробными), которые содержались в положении о крестьянах и принятых в их развитие постановлениях. Волостным судам даже не вменялось в обязанность действовать в точном соответствии с сельским судебным уставом. В текущем судопроизводстве они могли лишь «применяться» к его нормам, основываясь на местных неписаных законах при вынесении решения и назначении конкретной меры наказания для правонарушителей - крестьян.

Впрочем, общие рамки крестьянского судопроизводства были очерчены вполне четко. Сельские обыватели были подсудны волостному суду лишь по «маловажным проступкам». Здесь рассматривались иски до 100 рублей (в основном не более 10-15).

С одной стороны, такой подход учитывал реальное состояние дел, существовавшее в деревне после отмены крепостной зависимости. Упразднив суд помещичий, правительство просто не смогло найти ему иной замены. Вновь создававшиеся судебные учреждения были физически не способны обеспечить судопроизводство по столь обширному массиву дел. С другой стороны, власти в известной степени учитывали существующую правовую традицию, а именно, широкое распространение в деревне практики досудебного решения споров. При решении спорных проблем в общине практиковалось примирение через «общество», «стариков», старосту. При этом, в случае успешного примирения виновный нередко выставлял вино, распивавшееся совместно правыми и виноватыми («чтоб не держать зла»), судьями и свидетелями, стариками, старостами, писарями и т.д. (за то, что примирили, «за хлопоты»). Нередкими в российской деревне были и самосуды, или такая своеобразная форма общественного осуждения как «осрамление» (воров «срамили», проводя с побоями по деревне и пр.). Таким образом, суд волостной являлся для селян уже своего рода итоговым, «окончательным», формальным судом.

В целом, создание волостных судов вполне согласовывались как с «видами правительства», заинтересованного в разгрузке судебных учреждений от трудно вообразимой массы крестьянских дел, так и с настроениями значительной части «образованного общества». В частности, волостные суды в полной мере «отвечали» аксаковской «теории общества», в основе которой лежали идеи гражданского самоуправления, сочетания государственного и земского начал. Не случайно, еще в статье

1862 года «О судебной реформе» И.С. Аксаков писал о народном «несочувствии» «к суду формальному, основанному на одной формальной, внешней, а не живой, нравственной правде» [1].

Тем не менее, уже на стадиях разработки и начальном этапе осуществления реформы, выяснилось, что она рождает целый ряд вопросов как принципиального, так и технического характера. Прежде всего, было не вполне ясно, как волостные суды должны были функционировать на практике. Самодеятельность этих судов не исключала того, что государство, чиновный аппарат контролировали данную сферу. Как следствие, изначально оформилось объективное противоречие между волостным институтом, призванным рассматривать дела на основе народного «обычая», и аппаратом управления, работавшим в формализованном пространстве «закона».

Деятельность крестьянских судов со временем стала вызывать растущий массив критики и справа, и слева. В частности, по воспоминаниям современников реформы 1861 г., первоначально отдельные консерваторы рассуждали следующим образом: «Я, помещик, дворянин, не смею ударить своего человека, а позовут его в волость, там мужики будут его судить и накажут; я – не могу, а простой мужик его сечет! Значит, у меня, дворянина, из рода в род здешнего помещика меньше права, чем у мужика. Ведь это даже смешно!» [2].

Нараставшие настроения в пользу отмены волостных судов были характерны и для либеральных деятелей. Как следствие, под давлением общественного мнения, в 1872 году для исследования вопроса о волостных судах правительством была создана специальная комиссия министерств юстиции и внутренних дел под руководством сенатора Любощинского. Комиссия работала в 18 губерниях, собирая (по специальному опроснику) оценки судов у «компетентных лиц в деле крестьянского управления» (в том числе, старшин, писарей, судей), знакомясь с книгами решений

волостных судов и т.д. Параллельно довольно масштабную работу вела научная общественность. К примеру, богатый материал, характеризующий деятельность волостных судов был собран в семи западных губерниях этнографическо-статистической экспедицией Географического общества.

Учреждение правительственной комиссии дало новый толчок спорам о волостных судах. Примечательно, что при этом все большая часть специалистов в сфере судопроизводства и управления (мировых судей, председателей управ, предводителей дворянства и пр.) выступала за его отмену. Особо мощный критический запал отличал публикации адвокатов, что, с учетом емкости потенциального рынка правовых услуг для крестьян, в общем, представляется вполне логичным. В данной связи, в частности, укажем на серию статей В. Кроткова в «Отечественных Записках» [3].

Современники дружно отмечали многочисленные недостатки особого крестьянского судопроизводства. Суммируя их, один из авторов отмечал: «1) Волостной суд не имеет самостоятельности, так как он подвержен всякого рода влияниям; 2) Волостной суд не народный суд, ибо он ни по форме, ни по внутренним своим качествам не соответствует своему первообразу, суду мирскому, не представляет собою гарантии суда общественного, и не отвечает всем нуждам народа; 3) Состав суда слагается не из лиц, действительно заслуживающих уважения, ибо служба эта есть такая же повинность, как отправление подвод, починка изгороди, дорог и т.п. ...4) Волостной суд, при существовании суда мирового и окружного, производит неравноправность перед судом лиц, стоящих в общественной жизни в одинаковых условиях». Тем не менее, он, как и «все знающие крестьянскую жизнь», был все-таки убежден, «что без крестьянского сословного суда не обойтись». В частности, поскольку все сделки между крестьянами совершались в основном на словах и не документировались, они не могли рассматриваться судом, действующим по закону [4].

Таким образом, суждения критиков волостного суда оставались весьма противоречивыми. В принципе, для большинства из них было ясно, что такой суд является крайне несовершенным, что «сама среда, из которой выбираются волостные судьи, не в состоянии дать людей, способных отправлять судебные обязанности». В то же время, было не менее очевидно, что в обозримой перспективе дать крестьянам иное судопроизводство, по сути, невозможно. Поэтому чаще звучали менее радикальные предложения. К примеру, Е. Якушкин предлагал лишь ограничить компетенцию волостных судов и усилить контроль за их деятельностью. Гласные из Рязанской губернии предлагали изъять из ведения волостного суда все уголовные дела [5].

Неоднозначность вопроса о волостных судах, чрезвычайную трудность организации судопроизводства для крестьян подтвердили и итоги работы правительственной комиссии 1872 года (труды комиссии изданы в 7 книгах). Уже первый том изданных ею материалов показал шаткость позиций безоговорочных критиков. Так, на главный вопрос – довольны ли крестьяне своим судом и не желают ли замены его судом мировым – крестьяне 80 из 83 опрошенных волостей Тамбовской и Рязанской губерний ответили, что они довольны и другого не желают. В принципе, в трудах комиссии были зафиксированы и критические мнения. Так, крестьяне Павлодаровской волости отмечали, что «часто судит не суд, а водка». Крестьяне Солнцевской волости Рязанской губернии жаловались на «судейскую повинность», когда «в судьи сдают точно как в солдаты», а потому сложилась ситуация, что сначала многие крестьяне ставят обществу водку, чтобы не выбрали в судьи, а потом – проставляются избранным судьям – пьяницам. Любопытно, что в последнем случае в примечании под ответом указывалось, что во время опроса «старшина и судьи были пьяны». Вместе с тем, еще громче в оценках с мест звучал протест на обличения волостных судов. Так, крестьяне Вановской волости

отмечали: «Свой суд лучше всего. Вина никогда на суде не пьем – по чистой совести». Не отрицая факта употребления вина в принципе, крестьяне Атюревской волости показали: «бывает, что после мировых судьи угощаются помирившимися, но никогда в пьяном виде не судят – это клевета» [6].

Труды комиссии по преобразованию волостных судов скорректировали позиции либеральных изданий. К примеру, новые аспекты проблемы увидели «Отечественные Записки». Отражая редакционную позицию, автор одной из статей подметил: «крестьяне защищают свой суд от клеветы: о крестьянских судах так много говорено было ложного и так всеобща слухи о его подкупности и о том, будто дела часто решает водка». Констатируя удивительную «согласность в ответах» крестьян различных регионов, он признал: «крестьяне хорошо знают, чего им нужно в той сфере, которая касается их обыденной жизни, их дырявого кармана, их черствого куска хлеба» [7].

Впрочем, некоторая корректировка позиций либеральных изданий не меняла их общей установки на ликвидацию остатков сословного строя. К тому же, по мере развития страны, в пореформенный период все более изменялась ситуация и в сфере крестьянского судопроизводства, и в сфере общественной жизни в целом. Споры западников и славянофилов, горячее обсуждение в центральной печати проблем русской деревни, судебных «мужика» в 1860-1870-х гг. привели к тому, что либеральные настроения, по сути, стали доминировать в «просвещенном обществе». Даже в Москве, где в 70-е годы «царила» консервативная газета Каткова «Московские ведомости» (наряду с нею издавались менее популярные либеральные «Русские Ведомости»), к рубежу 1880-х гг. наметился явный перелом. Так, с 1879 года здесь начал выходить либерально ориентированный «Русский Курьер». В итоге: «В 1880 г. московская либеральная пресса, в лице двух газет, получила явный перевес над консервативной» [8].

Безусловно, это оказало существенное влияние на обсуждение вопроса, по мнению современников, занимавшему в сфере юстиции приоритетное место («исходя из степени влияния на правовой быт народа, наибольшее практическое значение имеет вопрос о преобразовании или упразднении волостных судов») [9].

В целом, на протяжении 1870-х гг. либеральное сообщество не выдвинуло по-настоящему стройной концепции организации правосудия на селе. В основном оно ограничивалось частной критикой, иронизируя по поводу волостных судов, их решений. Действительно, российская повседневность давала здесь немало интересного, нередко дикого. Так, к примеру, в селе Безобразовка Аткарского уезда крестьянин, укравший кусок кумача, по приговору волостного суда получил 25 розг, а пострадавший торговец («за соблазн») – 50 розг [10]. Однако со временем подобная позиция все менее устраивала самих авторов. В частности, Г.В. Назарьев в данной связи отмечал: волостной суд «с каждым годом падает все ниже и ниже, даже перестает быть смешным» [11].

В то же время, проблемы волостного суда в значительной степени вызывали сочувствие. Причем помимо славянофилов («Беседа», «Дело», «Москвич», «Москва», «Русская мысль»), такое мнение выражали и либералы-общинники («Новое время»), тесно связывавшие кризис правосознания крестьянского сообщества и кризис общинного строя. Так, одно из популярных изданий отмечало: «Зайдите в тюрьмы, расследуйте крестьян – преступников, и вы увидите в большинстве случаев, что началом преступления было обезземеливание и разрыв всех связей с общиной. Какой же результат дает уничтожение общины? – Возвышение кулаков и умножение преступлений». Исходя из этого, оно отстаивало сохранение общины и ее институтов: «Боятся нужно разрыва русского крестьянина – общинника с общиной» [12].

Споры о судьбах волостного суда получили новый толчок с рубежа 1870-1880-х гг. в связи с планами правительства по модернизации судебной системы страны. На либеральной волне 1880 – начала 1881 года в обществе активно циркулировали слухи о деятельности при министерстве юстиции новой комиссии по вопросу изменений в устройстве волостных судов, выработавшей соответствующий законопроект [13]. В частности, в ходе работы новой правительственной комиссии в это время возникла идея передачи волостных судов под контроль мировых судов, что вызывало у либеральной общественности явное одобрение.

Впрочем, довольно активно свои позиции отстаивали и сторонники общинности. Они настойчиво доказывали, что обычное право существует, причем является «основой жизни народа», что «народные правовые понятия отличаются своеобразием», причем зачастую лучше, чем закон, согласуются с идеей «естественной справедливости» [14]. В пользу дальнейшего сохранения особого крестьянского суда объективно говорила и его доступность для населения. Даже в театральных пьесах внимание акцентировалось на глубокой отстраненности крестьянина от общего суда. К примеру, в одной из них, местный писарь, вымогая взятку, угрожая не принять дело к рассмотрению в волостном суде, «разъяснял» крестьянину: «завернуть придется к судебному следователю. А там аблокаты... а ефтошь народ ты и сотенной не задразнишь ... Вот и мекай» [15].

Впрочем, даже защитники волостного суда признавали несовершенство данного института. Повседневная практика убедительно доказывала острую необходимость его модернизации. В частности, все более очевидной становилась потребность в упорядочении порядка прохождения дел и кассации решений волостного суда. В принципе, порядок обжалования решений волостных судов с 1866 г. по 1879 г. вообще оставался не ясным. Поскольку крестьянские судебные инстанции были поставлены под контроль администрации (уездных присутствий по

крестьянским делам), фактически действовали три кассационных инстанции – уездное по крестьянским делам присутствие, губернское присутствие, Сенат. И лишь в 1879 г. Сенат разъяснил, что решение уездного присутствия является окончательным.

Отмеченная проблема, как и весь комплекс противоречий в деятельности волостных судов, показывает принципиальную трудность совмещения в судебной практике норм обычного и писаного права. Несмотря на приоритетную ориентацию волостных судов на нормы обычного права, они не могли не соприкасаться с нормами и учреждениями, носящими общегосударственный характер. Как следствие, современниками все чаще отмечалось, что «нужда в руководстве для волостных судов существует давно». Косвенно об этой потребности (весьма острой) свидетельствовало появление на книжном рынке целого ряда специальных «наставлений» для волостных судей, выполненных отдельными энтузиастами – практиками и переиздававшихся по 2 – 3 раза.

Однако эта литература имела весьма сомнительное качество, нередко содержала прямые ошибки. К примеру, В. Фармаковский рекомендовал волостным старшинам подвергать волостных судей за плохую работу аресту до двух дней, либо штрафу до 1 рубля, что было совершенно незаконно, поскольку старшина вообще не имел права руководить судом, контролировать, тем более, наказывать судей. Обращало на себя внимание и то, что общим для таких книг было стремление прямо опираться за нормы уголовного и гражданского уложений. Их авторы не могли «удержаться от рекомендаций для руководства именно «статей» писанных законом». Таким образом, смешивались нормы «обычного права» и закона. В свою очередь, это порождало путаницу и у авторов, и у тех, кто пользовался их книгами. Так, например, тот же В. Фармаковский квалифицировал кражу вещей из повозки как «отягчающее» обстоятельство и констатировал, что такие дела подведомственны не

волостному, а мировому суду. Это полностью дезорганизовало крестьян, которым трудно было понять, почему кража из сундука подсудна их волостному суду, и из «повозки» – не подсудна [16]. И таких моментов в крестьянской правовой повседневности было немало.

В целом, судебная практика оставляла много неясного не только для крестьян, но и для чиновников, специалистов. При этом, как правило, они стремились согласовать решения, вынесенные волостными судами на основе обычного права с конкретными статьями закона. Как было показано выше, помимо общей бессмысленности такой работы, получалось немало курьезов. Подобное положение дел создавало условия для манипулирования волостным судом со стороны старшины, писаря и пр. В то же время, оно усиливало правовую дезорганизацию крестьян, зачастую не понимавших, что «законно», что нет. Соответственно, и крестьянские судьи, и участники суда постоянно боялись, как бы не вступить в конфликт с законом. Как следствие, со временем недовольство волостными судами усиливалось. Исследователи вопроса на рубеже 1880-х годов отмечали: «Жалобы и ропот крестьян на решения волостных судов – явление повсеместное» [17].

Однако, несмотря на работу правительственных комиссий и широкое общественное обсуждение проблемы модернизации волостного суда, своего принципиального решения вопрос так и не нашел. Даже осуществленное в конце 1880-х гг. упразднение мировых судов, объективно еще более усилившее общественное значение волостных крестьянских судов, так и не привело к сколько-нибудь существенным подвижкам. Более того, передача волостных судов под фактический контроль земских начальников еще более подорвала их авторитет. В итоге, к началу XX столетия в сфере сельского правосудия сложилась исключительно сложная и противоречивая ситуация.

Нужно признать, что и в предреволюционный период работы по модернизации волостных судов не дали ожидаемых плодов. При этом общественность питалась скорее слухами, теряясь в предположениях и догадках о планах правительства. В частности, слухи о предстоящих изменениях стимулировал процесс разработки губернской реформы. В ее рамках, к концу 1903 г. МВД завершил пересмотр законодательства о крестьянах, в частности, по некоторым данным, наметил программу преобразования волостного суда. По информации «Нового Времени», волостные суды из 4 судей должны были назначаться уездным съездом сроком на три года из числа избираемых сельскими обществами кандидатов на основании заключения местного земского начальника. При этом особое внимание придавалось надзору за его решениями. Предусматривалось, что наравне с уездным предводителем дворянства и членами губернского крестьянского присутствия надзор осуществлялся земскими начальниками, которые «имеют и право ревизии волостных судов». Мыслилось также создание второй судебной инстанции в лице особого суда из представителей местных волостных судов под председательством земского начальника или уездного предводителя дворянства. И венчало эту систему губернское присутствие по крестьянским делам [18].

Нужно отметить, что такие шаги поддерживались лишь откровенными консерваторами, ратовавшими за укрепление административной вертикали, выступавшими против любых перемен, особенно против «грозящего безобразиями» «похода» на земских начальников. Признавая лишь путь безусловного сохранения существующих «основ», в полемике с либералами, они заявляли: «Для деревни требуют права, т.е. закона; но разве деревня не имеет закона? Разве мы живем в безсудной стране?» [19].

Либеральная общественность, напротив, все более решительно требовала полного упразднения волостного суда. К примеру, «Вестник Европы», ставивший вопрос о том, что: «Подсудность волостному суду не равносильна ли иногда фактической «безсудности»?», прямо указывал, что «реформа губернского управления несет с собою расширение дискреционной административной власти». По мнению редакции: «Сохранение, в главных чертах, ныне действующей организации крестьянского суда равносильно сохранению для крестьян особых норм материального и процессуального права, особых проступков, особых наказаний – другими словами, сохранению одной из главных перегородок, отделяющих народную массу от высших, привилегированных общественных классов. Менее, чем когда-либо такое решение вопроса может быть признано целесообразным в настоящее время, после обнародования нового уголовного уложения, накануне завершения нового гражданского кодекса, в состав которого ничто не мешало бы включить все, что есть ценного в так называемом обычном крестьянском праве». Соответственно, журнал доказывал, что «настало время для слияния народной массы с остальными классами общества, для дарования ей настоящего суда» [20].

В отмеченном контексте все более набирала силу либеральная критика волостных судов. Так, анализируя материалы комиссии о нуждах сельскохозяйственной промышленности, один из земских начальников Черниговской губернии отмечал: «Более безотрадное учреждение, чем волостной суд едва ли можно найти на земле... Никакого уважения населения к этому суду я нигде не замечал, а полного пренебрежения и оскорбительного отношения много видел. Пьянство судей и подкуп судей и свидетелей – обычное явление. Надзора не может быть при таких условиях. Есть среда и нравы. Эта среда дает судей и судящихся. Земский начальник может удалить порочных судей, но найти новый, достойный суд

– он не в силах». Вместе с тем, он также отмечал и исключительно важное по своей значимости новое явление, состоявшее в притоке в суды зажиточных крестьян, «кулаков». С одной стороны, волостной судья теперь получал от правительства жалование в 60 рублей. Однако еще более важным было растущее стремление кулаков влиять на общество, используя волостной суд как инструмент такого воздействия. В итоге, сложилась ситуация, при которой суд: «Нередко состоит из кулаков и заправил деревенских; они ни перед чем не стоят, лишь бы достигнуть судейской карьеры». Соответственно, в начале XX в. расцвели всевозможные деструктивные явления (подкуп на выборах и т.д.) [21].

Настойчиво критикуя волостные суды, высказываясь за их отмену, либералы доказывали, что в России стремительно деградируют и сельская система управления, и сельская правовая среда. В условиях роста бесправия, произвола: «закон обращен в мертвую букву, а чувство законности совершенно вытравлено в населении». Причем «волостной суд оказывается ниже всякой критики», земский начальник «может каждую минуту по своему личному усмотрению посадить народного судью в арестантскую». В итоге, они приходили к мысли о том, что: «Нынешний строй узко-сословного самоуправления, с судом, совершенно не отвечающим своему назначению ... создают из крестьян ту рутинную и инертную толпу, которая при благоприятных условиях легко приходит в брожение, угрожающее государственной безопасности» [22].

Выступая за упразднение волостных судов, большинство либералов все же оставались на позициях мирной модернизации существующего строя, а потому были готовы обсуждать и те проекты, которые могли привести к усовершенствованию их текущей работы. В частности, рассматривая ход работ редакционной комиссии по пересмотру «Положения о крестьянах» (высочайшее повеление о пересмотре 14 января 1902 г.), либеральная общественность прекрасно понимала, что эта

комиссия игнорирует принципиальное требование введения всеобщего суда. Саркастически оценивая перспективы ее работы, «Вестник Европы» в данной связи отмечал, что в лучшем случае (как и планирует комиссия), «через 25 лет Россия, ее сельский суд возможно получат вполне пригодные «уставы» о наказаниях и о договорах и наследовании» [23]. Тем не менее, журнал уделял большое внимание детальному анализу подготовленных законопроектов, внося в них свои замечания, дополнения. В частности, он специально разобрал вопрос о планируемых особых сельских уставах о договорах и наследовании. Особое место в его публикациях заняла также критика планов предоставления волостным судам права приговаривать подсудимых к реальным тюремным срокам. Включение тюрьмы в число наказаний, назначаемых волостным судом, мотивировалось в комиссии МВД несоразмерностью наказаний за схожие преступления в городе и в деревне (крестьянин, совершая кражу у крестьянина в деревне, подлежал наказанию много меньшему, нежели за кражу в городе, или в деревне, но у помещика). Однако либеральной общественностью данное предложение было названо абсурдным: «нелегко, с первого раза, понять, каким образом могла возникнуть мысль о предоставлении столь опасного орудия в руки столь малокомпетентных судей» [24].

Таким образом, если для правящих кругов в начале XX в. главным было поднятие авторитета волостных судов, повышение эффективности, действенности их работы, то для либеральной общественности принципиально значимой задачей стало упразднение этих судов. Соответственно, либеральные публицисты критиковали любые предложения и проекты правительства. Известная нелогичность подобной позиции, состояла, однако же, в том, что при этом либералы много внимания уделяли критике отдельных, частных положений. Отмеченное противоречие было преодолено лишь частью левых мыслителей, все более

абстрагировавшихся от проблем совершенствования существующего сословного аппарата.

В еще большей степени это было характерно для крепнувшего революционного лагеря. Не случайно, для социалистической печати, в центре внимания которой в начале 1900-х гг. находился «процесс постепенного революционизирования русской деревни», волостные суды фактически не являлись особым объектом критики. Более того, они акцентировали внимание на том, что в ситуации, когда на селе нет «ни суда, ни управы», «у крестьян зародилась мысль о своем суде» [25]. Этот суд революционеры видели, прежде всего, в аграрных беспорядках, поджогах, убийствах, терроре.

Таким образом, в начале XX столетия, когда на передний план вышли принципиальные вопросы перспектив развития политического строя России, общественная дискуссия о волостных судах начала неуклонно и объективно утрачивать свое прежнее значение. При этом становилось доминирующим движение за упразднение сословных судов и «равноправие» крестьян.

Подводя итоги статьи, отметим, что существование системы волостных судов во второй половине XIX – начале XX вв. неоднозначно оценивалось как современниками, так и последующими российскими исследователями. Часть из них доказывала, что волостные суды являлись учреждениями, находившимися вне правового поля (А.Д. Попова, Т.В. Шатковская). Другие исследователи (Л.И. Земцов, В. Безгин, Д. Бурбанк) и сегодня полагают, что волостные суды, влияя на формирование правовой культуры в крестьянской среде, были оптимальной моделью, превратившей закон в часть повседневной жизни для большинства населения Российской империи [26].

В контексте проведенного выше анализа, мы склонны видеть ценное в каждой из отмеченных позиций. Действительно, на протяжении первых

пореформенных десятилетий волостной суд объективно играл важную роль в регулировании жизни российской деревни. Однако по мере нарастания глубинных изменений в социальной и духовной жизни крестьянства он неизбежно отставал от потребностей времени. Это прекрасно понимали представители либерального лагеря, первоначально критиковавшие волостной суд в основном с позиций его принципиального несоответствия идеям формирования бессловного общества.

Однако со временем попытки сохранения и модернизации волостного суда стали рождать массу противоречий, трудно разрешимых даже в условиях стабильного развития. При этом неуважение к закону, к правовым институтам и со стороны власти, и со стороны населения, и со стороны «образованного» либерального сообщества становилось все более очевидным. В итоге, ценностный конфликт между властью и все более левеющими либеральными кругами на фоне углубления кризиса традиционного общества стал еще одним важным источником общественной деструкции и нарастания разрушительных процессов революционирования российского общества.

Список литературы

1. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С.654.
2. Вестник Европы. СПб., 1904. Т.IV. Кн.7. С.17.
3. Кротков В. Волостные суды, заметки провинциального адвоката// Отечественные Записки. 1873. Т.III. Кн.5; 1874. Т.IV. Кн. 7, 8.
4. Г.Ф. К вопросу о преобразовании волостных судов// Отечественные Записки. 1873. Т.I. Кн.1. С. 89.
5. Юридический Вестник. 1873. Кн.2. С.8; 1872. Кн.3. С.6; Кн.10. С.115.
6. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т.I. СПб., 1873. С. 224-225, 451, 378, 185, 299.
7. Крестьянский суд// Отечественные Записки. 1874. Т.I. Кн.1. С. 192, 194-195.
8. Русская Мысль. 1881. Кн.8. С.58.
9. Журнал гражданского и уголовного права. 1875. Кн.3. С.60.
10. Молва. 1879. №350.
11. Вестник Европы. 1879. Кн.5. С.141.

12. Одарченко К.Ф. Русская крестьянская община в связи с народным характером// Русская Мысль. 1881. Кн.3. С.243.
13. Русский Курьер. 1880. №192. 17 июля.
14. Иванов В. Крестьянский суд и формальное правосудие// Русское Богатство. 1880. Кн. 12. С.42.
15. В.Е. На волостном суде// Русское Богатство. 1880. Кн.7. С.87.
16. Русское Богатство. 1880. №4. С.61-62.
17. Соображения комиссии, высочайше утвержденной для окончания работ по преобразованию судебной части, о порядке введения в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года. Б.м.г. С.3.
18. Новое Время. 1903. №974.
19. Московские Ведомости. 1903. №317.
20. Вестник Европы. 1904. Т.1. Кн.2. С. 359, 363, 364.
21. Вестник Европы. 1904. Т.V. Кн.10. С. 773-774.
22. Слонимский Л. Наши экономические задачи и крестьянский вопрос// Вестник Европы. СПб., 1904. Т.1. Кн.1. С.248-249.
23. Вестник Европы. 1904. Т.IV. Кн.8. С.749.
24. Вестник Европы. 1904. Т.VI. Кн.11. С.353.
25. Революционная Россия. 1903. 5 августа. №29. С. 10, 17.
26. Бурбанк Д. Правовая реформа и правовая культура: Непризнанных успех волостных судов в имперской России; Пер с англ. А.В. Ильина-Старцева // Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 188-196.